

Заре навстречу

Б тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции в издательстве «Советский писатель» выходят книги юбилейной серии. Каждая из них была вехой в развитии советской художественной литературы, новым проявлением ее постоянного стремительного роста. Советским писателям есть чем гордиться. Литература наша верно служила и служит тем великим народом, которые осуществляют советский народ под водительством рабочей большевистской партии, — тем светлым идеям, что были начертаны на славных знаменах Октября.

Одной из самых значительных заслуг советской литературы является то, что она сумела создать живые, реальные и необыкновенно впечатляющие образы молодого человека — носителя новой морали, новой правды мира. Вот Навел Корчагин и Олег Кошевой. Юноши-однодетчики, они стоят на отдаленных точках истории социалистической эпохи.

Первый завоевывал счастье, добывая право и возможность создать новую жизнь. Этот мальчуган из Шепетовки — «черноглазый, в серенькой рубашке и синих штанах с заплатами» — принадлежал к поколению, которое вырвалось из тымы в свету, из старого мира — в иной, еще не выбывший, совсем новый, загадочный и магический. Ему приведлось заглянуть в самую глубину старой жизни, «на ее дно, в колодезь, в затхлый пещерь, болотной сырости пахнуло на него...». С какой яростью возенавидел он неизвестный, смрадный мир нищеты и стяжательства! И с какой страстью он ринулся на завоевание нового мира — ринулся «перед, заре на встречу!»

Второй, Олег, имел уже иную цель — отстоять счастье, защищить уже построенное, полное света здание жизни. Если Корчагин или из тымы к свету, то Кошевей, вся эта молодежь, выросшая при социализме, защищала свет против тымы, которая грозила затопить их жизни.

Эпиграф Фадеевской «Молодой гвардии» — песня, которую пели комсомольцы первого призыва. Для Кошевого и эта песня, и книга «Как закалалась сталь» были духовным завещанием старших братьев. Но точно так же, как Павка Корчагин живет в Олеге, в Сережке Толенине, в Ульяне, так и Олег Кошевой с его друзьями — не только наши современники, но и современники наших потомков.

Да, образы советской литературы обрастают свет не только прошлое и настящее, но и в будущее. Советский художник, всем своим творчеством связанный с реальностью сегодняшнего дня, смело открывает завесу для завтрашнего. Он охватывает взором не одни лишь факты, но и время в целом, ход времени. Факты для него — приметы явления грандиозного исторического масштаба. Он стремится передать азоту в ее движении. Горьковская скользкая зоркость, взгляда Маяковского, видящего «через горы времени» — вот что в высокой степени свойственно нашей литературе.

«Вперед, заре навстречу!» — эта песенная строка хорошо передает дух и смысл нашей литературы.

Советская литература рождена Октябрьем. Грозная сила победоносной пролетарской

революции, слава ее побед, размах и величие задач, поставленных и решенных первым социалистическим переворотом, определили и продолжают определять содержание, значение и силу слов, с которыми обращаются к народу писатели страны Советов.

Еще на первом съезде советских писателей было дано исчерпывающее определение особенностей нашей литературы. А. А. Жданов сказал: «Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовывала бы трудающихся и угнетенных на борьбу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и плаха наемного труда. Нет и не было никогда литературы, которая кладет в основу тематики своих произведений жизнь рабочего класса и крестьянства и их борьбы за социализм. Нет никого, ни в одной стране в мире, литературы, которая бы занимала и отстаивала равноправие трудающих всех наций, отстаивала бы равноправие женщин. Нет и не может быть в буржуазной стране литературы, которая бы последовательно разбивала всякое мракобесие, всякую мистику, всякую поповщину и чортовщину, как это делает наша литература».

Революционное чувство нового в высокой степени свойственно советскому искусству. Сама жизнь нашей страны непрерывно и безостановочно работает над развитием этого драгоценного свойства советской литературы. Ведь наше время, как никакое иное, богато ростками нового. Процесс рождения нового, завтрашнего — в сегондиянин идет постоянно, и действительный художник не может не видеть этого движения, не любить его. Он, по слову Маяковского, «трижды» любит будущее — и, согласно завещанию, отныне я распоряжаюсь всеми делами его банка! Не стыжусь признаться, господа, что я всю ночь молил всевышнего о прощении и закрыл глаза, как это делают, когда вспоминают дорогих покойников... Эндрю Бид уверял, и, согласно завещанию, отныне я распоряжаюсь всеми делами его банка! Не стыжусь признаться, господа, что я всю ночь молил всевышнего о прощении и закрыл глаза.

Два месяца тому назад я представил документы, бесспорные, как «Деяния заповедей», которые Мойзей опубликовал в пустыне, — и Пейдж злобно повторяет: — Откуда это? — наконец, глухо спрашивает Пейдж.

Из архива германского министерства финансов! — отвечает Коллар. — Подлинники переданы нам Советским правительством!

— Но я не могу отвечать за действия германского правительства! — пытается возразить Пейдж.

— Мы хотим, чтобы вы ответили за свои действия! — продолжает Коллар.

— Впрочем, здесь точно указано, что мы получали деньги от немцев!.. И, взяв из рук секретаря пачку документов, он пересчитывает: — Вот это — за передачу патентов на новые образцы вооружения... Вот за техническую консультацию проектов новых военных заводов... Вот за работу ваших специалистов на этих заводах... Здесь перечислены и другие ваши услуги нацистам, господин Пейдж, но довольно и этого! — и Коллар поднимает документы. — Исходя из этих неопровергаемых данных, правительство Республики постановило конфисковать военные предприятия, принадлежащие банку Бида!

Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Господин Пейдж! — резко перебивает Коллар.

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

— Я обращаюсь не к вам, а к представителям союзных стран, которых мое правительство пригласило быть свидетелями этих переговоров... Я хочу, чтобы весь мир знал, что нашу страну нужно обходить стороною! — и, изогнувшись, он кивает в сторону министра хозяйства. Оказывается, они хотят расплачиваться со своими договорами моей нефтью и моим углем!..

— Но Пейдж не дает ему говорить:

Шарль де-Голль

Виктор ФИНК

ДЕ-ГОЛЛЬ
Рис. Вор. ЕФИМОВА.

ского автора, который не гнушался взять деньги из рук заведомых немецких разведчиков. Именно этому издательству предложил генерал де-Голль право выпустить в Германии его книгу, разоблачавшую неподготовленность Франции к войне.

В 1919 году он добровольно поступил в польскую армию, чтобы участвовать в войне против молодого советского государства. В 1940 году он просил французское правительство предоставить ему армейский корпус и послать в Финляндию. Он вызывал сходу опрокинуть Советскую Армию и ворваться в Ленинград. Позади Маннергейма стоял Гитлер, финская кампания была лишь прошупыванием сил перед неизбежной скваткой. Де-Голль хотел помочь Гитлеру. Это было, когда Франция уже состояла в войне с Германией и немцы обложили французскую границу.

Человек, который могступить на землю родины лишь после того, как семидесят пять тысяч коммунистов отдали за нее свои жизни, «сожалеет, что в свое время допустил коммунистов к власти». Человек, поэзии которого столица Вильям Буллит, Маршалл и Трумэн, упрекает коммунистов в том, что они «ставят выше всего свою обязательств в отношении одной иностранной державы». Человек, который недавно называл Францию «естественной союзницей России» и говорил, что «к несчастью, этому союзу всегда мешали интриги и непонимание», теперь предостерегает французов от симпатий к Советскому Союзу.

Трудно сказать, чего здесь больше, в этих устных упражнениях на заданную тему: глупой наглости или наглой глупости. Психологию такого субъекта прекрасно определил Маркс в «18 брюмера».

«...он смотрит на историческую жизнь народа и все ее действия как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где великие kostюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой подлости».

Де-Голль подымается на трибуну. Ходячая не слушают его болтовню. «200 семей французских и «60 семей» американских сидят далеко, в тишине своих двориков. Они не слушают, они и так знают, что он скажет, — им скучно.

Слушают другие. Сотни тысяч мародеров черного рынка: десятки тысяч спекулянтов, которые нажали на поставки из Германии, на сквактере еврейского имущества, на контрабанде, на спекуляции валютой, на обходе налоговых законов; десятки тысяч чиновников, которые были назначены немцами или Петэном, все, что осталось самого мрачного в наследстве от Петэна и Гитлера, — все это надеется на генерала де-Голля и группируется вокруг него, у других он определяет на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

«Как только Франция избавится от последнего немца, уйдёт», — клялся он.

Но так продолжалось всего с половиною месяца. Затем дело открыто и цинично вступило в новую фазу: генерал потребовал у английского правительства, чтобы оно признало его главой верховной власти на случай, если немцы уйдут из Франции. В этот день — 27 октября 1940 года — де-Голль забросил формирование военных сил.

Он думал о себе.

Ни о чем другом он больше не думал, ничего другого не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

Голль рассортировывал этих людей по имущественному положению и делал одинаковыми своего «Комитета национального освобождения», а впоследствии — министерства, других он определял на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве. Спирс больше ничего не делал во Франции. Он собиралась домой и пригласила генерала де-Голля лягнуть с ним в Англию. Де-Голль согласился. Утром они вылетели. Днем де-Голль принял Черчилля и посоветовал ему обратиться с каким-нибудь патротическим обозрением к французским войскам, которые были эвакуированы из Дюнкерка и находились на разводке, чтобы не пропасть с французами.

На другой день утром генерал де-Голль выступил по английскому радио. Он обратился ко всем французским офицерам и солдатам, а также к инженерам и рабочим — специалистам военной промышленности, которые находились в Англии и посыпали бы прибыть в Англию впоследствии, установив связь с ним самим.

Все было очень просто и деловито. Но во Франции, в ушах оскорбленных, различавших французов, которых их горе казалось непоправимым, слова эти прозвучали, как набат, как благовест, и люди плакали от счастья вновь обретенной надежды.

Так началась легенда о генерале де-Голлье.

Однако были во Франции люди, которых его выступление удивило. Эти люди сидели в Вине в ближайшем окружении маршала Петэна.

— Что это случилось с де-Голлем? — спрашивали они с недоумением друг у друга.

Их недоумение весьма понятно.

Де-Голль организовал массовое дезертирство в его войсках. В нескольких километрах от фронта он разлагал войска «противника».

Место убитого Дарлана отдали генералу Жиро.

Это был опасный соперник.

Де-Голль организовал массовое дезертирство в его войсках. В нескольких километрах от фронта он разлагал войска «противника».

В июне 1944 года, когда началось вторжение во Францию, возникло опасение, что Жиро появится в Париже, что он придет требовать свою долю популярности. Полковник убийца предупредил эту возможность. Убийцу задержали, но быстро выпустили из тюрьмы.

Каждый день де-Голль произносил речи по радио. У микрофона оратор налевал маску демократии.

«Франция увидела, в какую смертельную опасность ее ввергло разложение руководителей республики и гибельность единоличной диктатуры. Франция убеждается в необходимости установить новую демократию, в которой суверенитет нации проявляется не в том, чтобы маршировать по улицам, а в том, чтобы свободными выборами и в контроле над исполнительной властью» (11.9.42).

Произнося эти речи, оратор зорко следил за тем, чтобы оружие, посыпаемое во Францию, как-нибудь не попало в отряды, которым командуют коммунисты.

Вот что он говорил о Советском Союзе (20.1.42):

«Мир видит, что этот 175-миллионный народ достоин величия, и он умеет бороться, то есть справляться и наносить удары. Мир видит, что этот народ поднялся, вооруженный и организованный, и что самые тяжкие испытания не могут сломить его единства».

Де-Голль называет Францию «естественным союзником новой России», этой «Росии, которая из мрака бездны сумела подняться до солнца величия».

Но, отойдя от микрофона, де-Голль заявил Черчиллю обратить внимание на опасный рост престижа Советского Союза.

Так положил себе де-Голль дорогу к власти. Обманы, предательства и убийства устилали эту дорогу.

Когда немцы были прогнаны, генерал вылез в Париже из американской обозной машины, въехал власту руки в руки, что французская армия слаба и воевать с ней нетрудно. Это была великолепная «пламя немецкому солдату».

Издать книгу в Германии нельзя было без согласия автора, и автор дал свое согласие.

На этом стоит остановиться более подробно. В самые кануны войны известный немецкий шпион Абес организовал в Париже общество «Франко-германского сближения». При обществе имелось издательство. Оно покупало рукописи у любого француз-

ского автора, который не гнушался взять деньги из рук заведомых немецких разведчиков. Именно этому издательству предложил генерал де-Голль право выпустить в Германии его книгу, разоблачавшую неподготовленность Франции к войне.

В 1919 году он добровольно поступил в польскую армию, чтобы участвовать в войне против молодого советского государства. В 1940 году он просил французское правительство предоставить ему армейский корпус и послать в Финляндию. Он вызывал сходу опрокинуть Советскую Армию и ворваться в Ленинград. Позади Маннергейма стоял Гитлер, финская кампания была лишь прошупыванием сил перед неизбежной скваткой. Де-Голль хотел помочь Гитлеру. Это было, когда Франция уже состояла в войне с Германией и немцы обложили французскую границу.

Человек, который могступить на землю родины лишь после того, как семидесят пять тысяч коммунистов отдали за нее свои жизни, «сожалеет, что в свое время допустил коммунистов к власти». Человек, поэзии которого столица Вильям Буллит, Маршалл и Трумэн, упрекает коммунистов в том, что они «ставят выше всего свою обязательств в отношении одной иностранной державы». Человек, который недавно называл Францию «естественной союзницей России» и говорил, что «к несчастью, этому союзу всегда мешали интриги и непонимание», теперь предостерегает французов от симпатий к Советскому Союзу.

Трудно сказать, чего здесь больше, в этих устных упражнениях на заданную тему: глупой наглости или наглой глупости. Психологию такого субъекта прекрасно определил Маркс в «18 брюмера».

«...он смотрит на историческую жизнь народа и все ее действия как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где великие kostюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой подлости».

Де-Голль подымается на трибуну. Ходячая не слушают его болтовню. «200 семей французских и «60 семей» американских сидят далеко, в тишине своих двориков. Они не слушают, они и так знают, что он скажет, — им скучно.

Слушают другие. Сотни тысяч мародеров черного рынка: десятки тысяч спекулянтов, которые нажали на поставки из Германии, на сквактере еврейского имущества, на контрабанде, на спекуляции валютой, на обходе налоговых законов; десятки тысяч чиновников, которые были назначены немцами или Петэном, все, что осталось самого мрачного в наследстве от Петэна и Гитлера, — все это надеется на генерала де-Голля и группируется вокруг него, у других он определяет на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве.

Спирс больше ничего не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

Голль рассортировывал этих людей по имущественному положению и делал одинаковыми своего «Комитета национального освобождения», а впоследствии — министерства, других он определял на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве.

Спирс больше ничего не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

Голль рассортировывал этих людей по имущественному положению и делал одинаковыми своего «Комитета национального освобождения», а впоследствии — министерства, других он определял на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве.

Спирс больше ничего не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

Голль рассортировывал этих людей по имущественному положению и делал одинаковыми своего «Комитета национального освобождения», а впоследствии — министерства, других он определял на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве.

Спирс больше ничего не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

Голль рассортировывал этих людей по имущественному положению и делал одинаковыми своего «Комитета национального освобождения», а впоследствии — министерства, других он определял на работу в свою разведку, которая была конспиративной и агентурной гестапо.

Де-Голль тогда находился в Лондоне. Он вернулся во Францию, в Бордо 16-го рано утром.

Все было конечно. Пушки больше не гремели, не стреляли ружья. В стране стояла тишина. Это была тишина анатомического театра. Франция лежала на столе, как учебный ртуть. Еще предстояло вскрывать ее, немцы еще собирались выставлять ее напоказ, устрашать другие народы ее молниеносной гибелью.

В Бордо генерал де-Голль застал английского генерала Спирса, который был личным представителем Черчилля при французском правительстве.

Спирс больше ничего не делал и не искал помощи и содействия ни для какой другой цели.

Первыми его помощниками оказались кагульцы. Они сразу почувствовали в Лондоне или там туда заброшены немцами. Де-

В Северном Китае

От пустыни Монголии до берега моря, от Советской границы до устья Ян-Цзы проходит новый Китай. Он возник в войне с Японией обединил северные провинции и Маньчжурию. Это суровый, бескрайний, крепкий Китай рабочих и крестьян, ведомых китайскими коммунистами. Он провозглашает демократическую революцию в новой форме.

Сильную полосу территории этого нового Китая лишь в нескольких местах пересекают узкие участки вдоль железнодорожных путей, захваченных войсками гоминдана. Но Чан Кай-ши не смог открыть ни единой железнодорожной линии, пересекающей эту территорию с севера на юг. Можно недели путешествовать в этих районах и ни разу не наткнуться на гоминдановских солдат.

Здесь, благодаря земельной реформе, ссыпавшей 60 миллионов крестьян получивших землю в течение прошлого года. Здесь 140 миллионов человек подчиняются избранному ими самим правительству. Они бросили от двух до четырех миллионов рабочих и земледельцев в бой на защиту своих демократических прав.

На этой территории семь правительства крупных провинций проводят одинаковую демократическую политику. Каждое правительство имеет свою армию и командный состав, но все войсковые формирования подчиняются единому генеральному штабу.

Коммунисты намеренно воздержались от создания единого правительства для этих районов, так как часть их состоит из тех, кто может расколоть Китай на две части и противопоставить новое правительство существующему центральному правительству, в том, чтобы обеспечить, в конечном счете, создание демократического коалиционного правительства для Китая в целом. Поэтому каждая провинция имеет собственную столицу, на все она считается своей личной частичкой грядущего демократического Китая, который современен воссозданию Север и Юг страны.

Никому не удается покорить этот новый демократический Китай. Не смогла Япония. Освобожденные районы один за другим вырастали в борьбе с ней. Не может и Чан Кай-ши; он двадцать лет пытается покорить с коммунистами и терпит неудачи.

В течение последнего года с помощью американских самолетов, танков и кораблей оружия войска гоминдана глубоко врезались в пределы демократического Китая, захватив четверть его главных провинциальных городов, но ни в одном месте они не смогли взять под свой контроль его сельские районы. Тем временем народно-освободительные армии убили и взяли в плен 150 гоминдановых генералов и миллионы солдат; армия Чан Кай-ши была обескровлена неуклонным изматыванием их сил. Неважно, коммунисты перешли к общему контраступлению и проникли в тыл гоминдана.

Как возник этот новый Китай?

Руководители коммунистами районы выросли в борьбе с японцами. В этом — проявления истории, ибо японцы утверждают, что они пришли «спаси Китай от коммунистов». Островки «народного сопротивления» были созданы в японском тылу на протяжении всего Северного и Центрального Китая. Они возникли в районах вдали от железных дорог, куда японская военщина трудно было добраться. Там были образованы первые районные правительства, которые в случае прихода японцев двигались из деревни в деревню. Японцы никогда не имели достаточно войск, чтобы покрыть ими весь Китай. Эти «антитокийские базы» изменили японцев партизанскими набегами и отогнали оккупантов к большим, обнесенным стеклом городам.

Чан Кай-ши даже во время войны с Японией противился росту этих руководимых коммунистами освобожденных районов. Он приказал коммунистам сократить свои вооруженные силы; он окружил их кольцом блокады и даже нападал на них. Более 50 гоминдановых генералов стали японскими марionетками и повели борьбу с коммунистами при помощи японских денег и японского оружия. По окончании войны с Японией эти марionетки «раскальялись», Чан Кай-ши снова принял их, назначив своим представителям в Северном Китае. Пока туда не прибыли его регулярные войска, Чан Кай-ши приказал японцам не сдаваться никаким «преградным сиам» — самим обратьють японцев в Северном Китае до прибытия войск Центрального правительства. Тем временем американцы слали самолеты и пароходы, чтобы помочь гоминдановским войскам стремительно двигаться на север.

Почти в течение целого года после капитуляции Японии китайские патриоты и демократы — и в Северном и Южном Китае — стремились к созданию демократического коалиционного правительства, которое предотвратило бы гражданскую войну. Коммунисты в тот период охотно соглашались признать Чан Кай-ши президентом. Они лишь требовали, чтобы Чан Кай-ши разрешил легальное существование коммунистической партии, чтобы освобожденные были политические заключенные и чтобы провинции имели право избрать свои собственные правительства. Чан Кай-ши же добивался того, чтобы стать не только президентом, но и диктатором; он назначил своих генералов губернаторами северных провинций и пытался силой покончить с коммунистами. Те оказали сопротивление. Гражданская война разразилась в июне 1946 года; она длится и все ширится уже больше года.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов. Был в Хэбэе и еще один вид вооруженных сил: множество крестьянских отрядов, стихийно возникших для защиты своих деревень.

«Отсутствие первоначальных сведений»

На что жаловался Пушкин в минуты острой тоски?.. «в минуты острой тоски Пушкин жаловался на томительность обладания гениальным интеллектом, не находящим целевого приложения».

Почему Пушкин призывал музу оградить и не престануть поддерживать его эмоциональный огонь? Потому что «Пушкин знал, что «дурная повседневность»... уменьшает способность человека отдаваться высоким переживаниям, особенно когда он проходит полосу биологического расцвета».

Что изобразил Пушкин в «Египетских ночах»? «В «Египетских ночах» Пушкин... простирает свое изображение двуплановость своей продукции».

Как это ему удавалось? «Здесь «прохожий» заявляет недовольство направляющими поэта взвешанными перемещениями творческого внимания».

Какое значение имеет «соединение алигатора» признаний и повторения слова

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литга). Телефоны: секретариат — К 4-76-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 8.

Сергей ЛЬВОВ

От прессой и убедили многих, что гоминдан выигрывает войну.

Американская писательница и журналистка Анна-Луиза Стронг совершила годовое путешествие по Китаю, Маньчжурии и Корее. В этой статье, написанной ею для «Литературной газеты», Анна-Луиза Стронг рассказывает о положении в освобожденных районах Китая.

Комиссар Ли послал своих уполномоченных во все формирования, которые не находились в действительной службе у японцев, и предложил им объединиться под такими четкими лозунгами: «Объединяйтесь против оккупантов!», «Не грабьте китайский народ!», «Дайте труженику земли способы условий жизни!»

Если наши лозунги принимались, мы обменивались уполномоченными, обменивались этими людьми, и они становились нашими войсками — сказал мне вследствие комиссар Ли. — Если же они отвергли наши лозунги и переходили к японским марionеткам, мы пропускали их далеко в глубь своих районов, чтобы затем легче взять их в окружение. Окружив гоминдановские части, они уничижали их силы, захватывали оружие и людей.

Сначала они применяли этот маневр к маленьким отрядам, но затем стали захватывать ценные линии. К концу первого года войны коммунисты убили и взяли в плен миллионы гоминдановских солдат.

Коммунисты умеют «обращать в свою веру» этих пленных солдат. Прежде всего они отделяют их от офицеров. Для последних в тылу есть специальные офицерские лагеря. С рядовыми солдатами ведутся дружеские беседы, проводятся пропагандистские митинги (их называют: «Встречи, вскрывающие горечь»), потому что пленные здесь приглашаются рассказать обо всех их горестях). Пленные почти целиком состоят из батраков крестьян-арендаторов, так как богатые при помощи полку избегают мобилизации в армию Чан Кай-ши.

Через неделю или две пленному солдату говорят: — Если хочешь итти домой, мы дадим тебе деньги на дорогу. Если хочешь оставаться здесь, присоединяйся к нам. Нам не нужен такой балласт, как заключенные.

Генералы народно-освободительной армии рассказывали мне, что эти пленные становятся прекрасными солдатами. «Они имеют гораздо больший опыт в обращении с военным вооружением, чем наши крестьяне. Они глубоко преданы нам, так как сами страдали под гнетом помещиков и военных диктаторов гораздо больше, чем крестьяне районов».

— Где еще в мировой истории, — сказал мне в январе прошлого года в Янчане заместитель главнокомандующего народно-освободительной армии Пэн Да-хай, — вы найдете армию, которая получала бы свое пополнение людьми и вооружением от противника и таким путем неуклонно росла в течение двадцати лет? Пэн предсказал тогда, что нещерпивое истощение сил Чан Кай-ши даст коммунистам возможность перейти к стратегическому наступлению, быть может, в конце августа или начале сентября. Предсказание его оказалось праильным.

Несмотря на огромное значение нынешнего наступления, нельзя ожидать окончательной победы в скромном будущем. Коммунисты готовятся к длительной войне, побеждаясь всем Северного и Центрального Китая. Они вновь организуют партизанские набеги и отогнали оккупантов к большим, обнесенным стеклом городам.

Чан Кай-ши даже во время войны с Японией противился росту этих руководимых коммунистами освобожденных районов.

Они приказали коммунистам сократить свои вооруженные силы; они окружили их кольцом блокады и даже нападали на них. Более 50 гоминдановых генералов стали японскими марionетками и повели борьбу с коммунистами при помощи японских денег и японского оружия. По окончании войны с Японией эти марionетки «раскальялись», Чан Кай-ши снова принял их, назначив своим представителям в Северном Китае.

Пока туда не прибыли его регулярные войска, Чан Кай-ши приказал японцам не сдаваться никаким «преградным сиам» — самим обратьють японцев в Северном Китае до прибытия войск Центрального правительства. Тем временем американцы слали самолеты и пароходы, чтобы помочь гоминдановским войскам стремительно двигаться на север.

Почти в течение целого года после капитуляции Японии китайские патриоты и демократы — и в Северном и Южном Китае — стремились к созданию демократического коалиционного правительства, которое предотвратило бы гражданскую войну. Коммунисты в тот период охотно соглашались признать Чан Кай-ши президентом.

Они лишь требовали, чтобы Чан Кай-ши разрешил легальное существование коммунистической партии, чтобы освобожденные были политические заключенные и чтобы провинции имели право избрать свои собственные правительства. Чан Кай-ши же добивался того, чтобы стать не только президентом, но и диктатором; он назначил своих генералов губернаторами северных провинций и пытался силой покончить с коммунистами. Те оказали сопротивление. Гражданская война разразилась в июне 1946 года; она длится и все ширится уже больше года.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Был в Хэбэе и еще один вид вооруженных сил: множество крестьянских отрядов, стихийно возникших для защиты своих деревень.

Когда комиссар Ли прибыл в Южный Хэбэй, он нашел там неприметные формирования четырех различных видов. Там были и японцы, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Когда начались войны с Японией, китайские коммунисты контролировали лишь около 82 тысяч квадратных километров не плодородной земли на северо-западе, возле монгольских пустынь. Потом 2 миллиона человек населяли эти земли. Но окончании войны они располагали территорией в два с половиной миллиона квадратных километров в наиболее плодородных районах Китая. Население в 140 миллионов человек обединилось вокруг коммунистов.

Так, земли освобожденных районов выросли вдвадцать раз и население этих земель — почти в сто раз. Это произошло благодаря организации народного сопротивления.

Как возник этот новый Китай? Как осуществил он это чудо?

Когда комиссар Ли прибыл в Южный Хэбэй, он нашел там неприметные формирования четырех различных видов. Там были и японцы, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Был в Хэбэе и еще один вид вооруженных сил: множество крестьянских отрядов, стихийно возникших для защиты своих деревень.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.

Чан Кай-ши рассчитывал на превосходство своего оружия. В особенности он полагал на самолеты, которыми снабжал его Япония, и субсидированные японцами марionетки, и остатки разбитых гоминдановских войск, и обновленных бандитов.